

Федеральное агентство по образованию

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

2 $\frac{08 - 30}{58}$

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ
В СПбПУ**

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2008

ФБ-2

Литература:

1. Василик М.А., Гнатюк О.Л., Погодин С.Н. Истоки и традиции гуманитарного образования в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 1998. 192 с.
2. Гуманитарный факультет под ред. В.А. Леванкова. СПб, 2003. 43 с.
3. Дегтярева Р.В., Леванков В.А. Гуманитарный факультет. История и современность. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2006. 132 с.
4. Положение о воспитательной работе со студентами. СПб, Издательство СПбГПУ, 2007.
5. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. СПб., 2003. 217 с.
6. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет: Биографии. СПб.: Издательство «Гуманистика», 2006. 912 с., ил.
7. Сироткина С.А., Тарасова Е.Ф. Книга памяти. СПб., 2000.
8. Vladimir A. Levankov. Problems and prospects of interaction of Russia and EU in sphere of higher education // Institutional conditions for the successful integration of the national states into contemporary globalized world economy. Prague, 2007. pp. 51-57.

В.П. Горюнов

д.ф.н., профессор, зав. каф. «Философия»

Современные философские представления об обществе

На протяжении многих лет в широком употреблении находится тезис о том, что по мере увеличения масштабов общества возрастает потребность в научных основаниях управления им. Прикладное социальное знание, безусловно, необходимо для выживания в борьбе за существование в пределах самого общества. Сюда можно отнести социологию, психологию, политологию, экономику. Но все это по типу знания принципиально не отличается от естествознания, обеспечивающего возможность выживания людей в природе.

Как и естествознание, научно-теоретическое социальное познание предполагает возможность построения идеальной модели объекта в качестве основного средства познания. В обществознании появлению научной теории мешает его идеологический характер, поэтому в нем господствует плюрализм. На собственно научной основе – в социологии, психологии, – осуществляется разработка средств борьбы (экономической, политической, идеологической, военной). Теоретическое социальное познание не в состоянии ни построить модель всеобщей социальной гармонии, ни обосновать чье-либо преимущественное право на существование. Поэтому социальная теория всегда остается, во-первых, утопией и мифом, а во-вторых, идеологией, духовным средством реализации определенных материальных интересов. С одной стороны, она направлена на предотвращение вхождения общества в состояние тотальной войны всех против всех, а с другой – мобилизует людей на борьбу за свое выживание.

Мировоззренческой и методологической базой социально-научного познания является исторический материализм, кладущий в основу обществен-

ной жизни объективно-закономерный процесс материального производства. Его теоретическую основу составляют законы природы, в соответствии с которыми функционирует и развивается техника. Технические системы создаются искусственно, в соответствии с потребностями людей, но сугубо по законам материальной предметности (природы). Иначе говоря, здесь человек сам определяет, что и в каком количестве ему создавать, однако он делает это в соответствии с естествознанием, – в технической деятельности он действительно свободен в пределах осознания необходимости (закона), при отсутствии такого осознания свобода сменяется слепым произволом, ведущим человека в тупик.

Теоретическое естествознание исходит из признания законов объективной реальности (законов природы), исключая произвол в области предметной жизни (технической деятельности) как со стороны людей, так и со стороны некоего духовного абсолюта. Законы природы составляют единственное ограничение свободы материально-предметного творчества людей. Иначе говоря, они могут делать все, но только в соответствии с этими законами. Никакой другой свободы воли, кроме их собственной, им не противостоит.

Какого-либо иного подхода к социально-научному рассмотрению человеческой жизни нет. Если допустить в ней наличие произвола (абсолютной свободы воли) со стороны самих людей или со стороны некоего духовного абсолюта, то ни о каком *научном* познании общества и человека говорить не приходится. В устройстве своей социальной жизни, то есть в создании системы общественных отношений, как и в создании своей материально-предметной жизни (технических систем), человек тоже полностью свободен, но в рамках действия объективных законов. Следовательно, социально-научное познание также опирается на исходную материалистическую предпосылку (исторический материализм). Весь вопрос состоит в определении

этих объективных законов общественной жизни. В материально-предметной (технической) деятельности такие законы, ограничивающие и задающие ее направления, известны, – например, закон сохранения и превращения энергии, не позволяющий создать вечный двигатель, но, тем не менее, не препятствующий росту энергетических мощностей. Соотношение свободы и необходимости в социальной деятельности менее определено. Именно здесь пролегает линия социально-научного познания. Образно говоря, предстоит ответить на вопрос, есть ли какие-либо абсолютные ограничения в социальной деятельности, подобные ограничениям в технической сфере

Исходная методологическая позиция в рассмотрении общества состоит в определенном, однозначном ответе на вопрос о том, может или не может общество (человек как вид) в принципе полностью обеспечить себя необходимыми ресурсами жизни, то есть обеспечить полное выживание всех своих членов, подразумевая под полным выживанием принципиальную возможность для каждого отдельно взятого индивида прожить всю жизнь, продолжительность которой определяется его естественными особенностями и достижениями цивилизации. Выбор ответа здесь не связывается с вопросом о численности народонаселения (за исключением абстрактных предельных значений) и действием всякого рода случайностей на уровне индивидуальной и общественной жизни. Критерием принципиальной возможности полного обеспечения общества ресурсами жизни является отсутствие необходимости внутривидовой борьбы за их распределение. Иначе говоря, это главная теоретическая альтернатива в объяснении законов общественного бытия, а именно – может или не может человечество обеспечить в процессе материального производства всеобщее благополучие, то есть (в простом витальном измерении) накормить, обути и одеть всех жителей Земли? Либо «да», либо «нет» – именно тут находится ключ к пониманию человеческого способа жизни.

В зависимости от ответа мы получаем два варианта понимания всеобщего социологического закона, в соответствии с которым возможны принципиально разные социально-теоретические модели общества. На базе любой из двух противоположных посылок строится самостоятельная система социальной философии и философской антропологии. Следовательно, прежде чем начинать *теоретические* дискуссии по тем или иным социальным проблемам, надо определиться с выбором исходной позиции. Если они разные, то дискуссия оказывается бессмысленной.

Таким образом, в основе социального познания, в том числе исследования конкретных социальных объектов (исторических общностей) лежат две аксиомы, представляющие собой два противоположных ответа на вопрос – может или не может общество обеспечить всеобщее выживание своих членов? Положительный ответ привычен, но он не позволяет объяснить общественную жизнь во всем многообразии ее противоречий. Отрицательный ответ еще не получил достаточного распространения, но методологически он более продуктивен. Ключевым здесь является понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, то есть нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, понимаемого как полное проживание жизни всеми членами совокупного населения.

В соответствии с выбранной исходной посылкой, являющейся методологической базой социального исследования, строится целостная социально-теоретическая модель общества. Различного рода экспертные аналитические выступления по поводу тех или иных социальных событий обычно

представляют собой формулировки проблем, исторические аналогии, прогнозные сценарии, сопровождаются диаграммами, графиками, таблицами и другой информацией, но, как правило, не опираются на теоретическое объяснение, не вскрывают сущность, а остаются на уровне явления. Однако необходимо именно объяснение, вытекающее из фундаментального социологического закона, определенной социальной геометрии, выстраиваемой в соответствии с выбранной исходной посылкой.

Социальное знание еще не приобрело вид научной картины общества, подобной естественнонаучной картине природы, и не обладает теоретическим единством, базирующимся на некотором объективном основании. Не построена фундаментальная, согласующаяся с естествознанием социально-теоретическая модель общества, показывающая развитие всех сфер общественной жизни в их целостности, с позиции единых принципов и законов. Вместе с тем, выработка экономической и технической политики все больше требует научно-теоретической проработки вопроса о естественно-природных основаниях общества, объяснение которых позволит подняться до научного объяснения всей общественной жизни, осуществить исследование общественного развития во всей его целостности, строго выдерживая единую логику, – что является главным критерием научности.

Но не следует смешивать реальные исторические общности и теоретическую модель общества, подобно тому, как не смешивают реальное падение тел и теоретическую модель свободного падения. Естествознание не предписывает того, как должно падать тело, оно просто описывает реальное падение, т.е. то, как тело падает. Оно не говорит – правильно ли текут реки, хороший или плохой климат и т.п. То же самое можно отнести и к социально-научному познанию, которое только указывает, что будет в том или ином случае, в той или иной ситуации. Как естествознание не указывает человеку, что нельзя прыгать с большой высоты без технических средств, что

стены домов надо ставить вертикально, а фундаменты класть горизонтально, – оно только указывает закон, а люди сами делают выбор; так и социально-научная теория, будучи всеобщей моделью общественного развития, показывает его закон, на основе которого люди могут делать сознательный выбор своего технического и социального действия.

От Ньютона никто не требовал определения способов применения открытого им закона всемирного тяготения и тем более способов его преодоления. Важно то, что стало понятно, почему стены домов должны быть вертикальными. Так и знание законов социальности должно явиться для социального конструирования тем же, что и законы механики для строительства зданий. Научные законы не предписывают ни истинное количество этажей в домах, ни истинные способы распределения в них квартир, они только объясняют условия, которые надо соблюдать, чтобы дома и общества не разрушались сами собой.

Естествознание, объясняя природу, устанавливает некие ограничения, запреты в области материально-технической деятельности, оно указывает: что невозможно или нельзя делать, и только через это «невозможно» и «нельзя» определяется круг того, что возможно и допустимо. Видимо, и социально-научное знание должно работать по этой же схеме и определять те состояния общества, которые невозможно осуществить или нельзя допускать, иначе оно погибнет, а на этой основе уже очерчивать круг возможных состояний, определять «коридор решений».

Величайший миф индустриальной эпохи, по крайней мере в рамках европейской культуры, – это вера в абсолютный прогресс, позволяющий обществу достичь гармонии во всех сферах бытия на основе неуклонного роста производительных возможностей. При всей гуманистической направленности этого мифа он, в конечном счете, всегда служил прикрытием и оправданием глубокой социальной дифференциации, всеяя в представителей

низших слоев веру в лучшее будущее, общеисторический оптимизм, выходящий за пределы живущего поколения. Причем это в равной мере относится к внешне противоположным социальным моделям – капиталистической и коммунистической. От религиозного мифа он отличается только тем, что во главу угла ставит другой источник всеобщего блага – труд на основе научно-технического прогресса.

Исходя из этого мифа, сформировалась и основная социально-философская парадигма, единая для большинства направлений, зачастую далеко отстоящих друг от друга в общеполитическом плане. В соответствии с ней несовершенство человеческого бытия обусловлено главным образом действием «закона людей», а не «закона вещей». Это означает, что со стороны природы нет непреодолимых препятствий для нормального обустройства жизни людей; основные препятствия на пути к такому обустройству исходят от самих людей, от их собственных пороков и неумения наладить свою общественную жизнь. Иначе говоря, люди могут преодолеть природу, но не могут преодолеть себя. Отсюда следуют два альтернативных вывода: либо надо менять существующую систему отношений, создавать новую, обеспечивающую каждому индивиду возможность человеческого существования (путем социальной революции или социальных реформ); либо надо смириться и принять все как предустановленную данность природного или божественного происхождения.

Общезвестная формула жизни состоит в том, что численность живых организмов определяется массой пищевых ресурсов, имеющихся в среде их обитания, и не может превысить уровень равновесного состояния, являющийся абсолютным. Существование общества в окружающей природной среде также можно описать как функционирование и развитие органической системы, поддерживающей свое существование потреблением ресурсов среды. Соответственно масса системы ограничивается массой доступных

ресурсов и изменяется вместе с ней в некотором интервале между критическими значениями минимума и максимума. Но, в отличие от природных ассоциаций живых организмов, общество с помощью техники универсализирует использование окружающей среды, непрерывно наращивает ресурсную базу и обеспечивает свое расширенное воспроизводство, постоянно преодолевая уровень максимума, устанавливаемого определенным технологическим способом жизни.

Человек преодолел границы естественно-природного равновесия, получив на основе использования техники дополнительные средства жизни сверх данного самой природой и увеличив свою численность в той же самой среде обитания. Его жизнедеятельность осуществляется в рамках производственно-природного равновесия, переходящего с одного уровня на другой по мере расширения сферы материального единства общества и природы. Тем не менее, в качестве потребляющей системы в границах одного и того же типа материально-технического развития общество принципиально не отличается от любой другой органической системы в том плане, что извлекает из окружающей природной среды вполне определенные ресурсы, конкретные вещества и в силу их исчерпаемости всегда ограничено в своем росте. На каждой очередной ступени производственно-природного равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства.

Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественно-природного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них, поскольку безвозвратно исчерпывает не возобновляемые

ресурсы и превышает уровень восстановления возобновляемых ресурсов. На каждом этапе материально-технического развития оно необходимо достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой ресурсной базы. В целом материально-техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат.

Однако общественная практика в настоящее время поставила вопрос о наличии всеобщих абсолютных границ, связываемых в общественном сознании с достижением планетарного рубежа материально-технической деятельности. Хотя, с одной стороны, для его преодоления в том или ином виде нет каких-либо принципиальных препятствий, делающих это преодоление невозможным, и для перехода на очередной уровень производственно-природного равновесия нужно только одно – дополнительные ресурсы. Но, с другой стороны, объем этих ресурсов так велик, что дальнейшее существование общества становится все более неопределенным, чем когда бы то ни было. Если до сих пор линия его развития целиком вписывалась в линию развития биосферы в ее прошлом и настоящем существовании и, благодаря этой предметной преемственности, была устойчивой, то теперь предметная преемственность развития общества сузилась до пока еще не ставшего существенно значимым перечня форм неорганической материи, с использованием которых можно было бы достаточно определенно связывать его дальнейшее существование вне зависимости от ограничений условиями Земли.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы положило конец абсолютистскому подходу в оценке общественного прогресса, основанному на убеждении в возможности обеспечения человечеством такого гармоничного состояния, когда будет покончено с голо-

дом, неравенством, войнами и различными человеческими пороками, когда появятся неограниченные возможности совершенствования людей и т.п. Такое убеждение базировалось на признании неограниченности материально-технического развития, уходящего в неопределенное будущее. И вот человечество достигло предела в возможности того непрекращающегося роста, к которому оно привыкло, и с которым связывались прогрессивистские идеи, а все перечисленные и им подобные проблемы не только не исчезли, но даже обострились. Итак, линия материально-технического развития общества складывается в результате взаимодействия двух переменных: рост производства средств жизни и снижение ресурсного потенциала природной среды (рис. 1). При этом, чем более истощается природная среда, тем более дополнительного труда требуется даже для сохранения достигнутого уровня производства, а на определенном гипотетическом этапе, когда научно-технический прогресс уже не сможет обеспечить компенсирующий прирост новых ресурсов в среде, производство и вовсе перейдет в фазу абсолютной неэффективности (рис. 2).

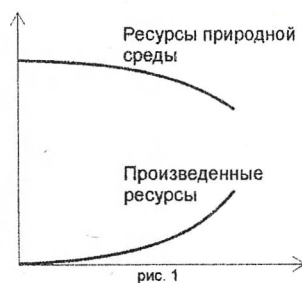

рис. 1

рис. 2

Модель предотвращения всеобщей экологической катастрофы обычно строится на введении двух главных ограничений: сокращение численности населения Земли (по некоторым расчетам – до 1 миллиарда) и прекращение роста материального потребления, переход к преимущественно духовному развитию человека, что в совокупности обеспечит решение проблем неравенства, эксплуатации, насилия и т.п. Данная модель

представляет собой типичный образец технологической и социальной утопии, потому что не учитывает действие главного закона материально-технического развития, который выражает не соотношенность абсолютных показателей материального производства и ресурсного потенциала природной среды, когда теоретически оказываются равновероятными модели предельного и беспредельного роста производства и потребления, а соотношенность ресурсов, затрачиваемых на осуществление производства, и ресурсов, получаемых в его результате, что означает при переводе на один и тот же эквивалент соотношение расходуемых и воспроизводимых ресурсов жизни. В зависимости от оценки данного соотношения мы получаем ту или иную формулу производства, в соответствии с которой строится вся модель общества: определяемый уровнем знания тип материально-технического развития, обусловленная им система социальных отношений и отражающая ее сфера духовной культуры. Следовательно, данная формула производства, выражая его главное материальное отношение и будучи своеобразным ядром социальной кристаллизации, по сути своей является предельно свернутой техносциальной формулой общества в целом.

В соответствии с общепринятой в настоящее время точкой зрения в рамках абсолютистского понимания общественного прогресса предполагается, что производимые обществом ресурсы жизни превышают массу затрачиваемых ресурсов необходимой деятельности (формула имеет вид неравенства), за счет чего в обществе наблюдается исторический рост трех главных показателей его прогрессивного развития: численность народонаселения, уровень производства и потребления, количество свободного времени (рис. 3). В таком опережении усматривается всеобщий

рис. 3

закон материального производства. Источник роста очевиден – это расширяющееся использование готовых, «бесплатных» сил и веществ природы. В пределах данной абсолютистско-прогрессивистской концепции развития общества, ставящей во главу угла неограниченные возможности человеческого разума в деле познания и преобразования окружающей природы, изначально признается только один безответный вопрос – о естественных абсолютных границах человеческого существования, будь то на уровне фундаментальных закономерностей мироздания или в масштабах экологической предельности жизни на Земле.

Однако эта концепция первоначально и до сих пор имеет главным образом мировоззренческо-идеологический характер и по степени научной обоснованности не выходит за пределы понимания природного и социального бытия в эпоху Просвещения. Построить на ее основе удовлетворяющую современным критериям научности целостную теоретическую модель общества, демонстрирующую главные законы его функционирования и развития, не представляется возможным.

В условиях достижения обществом планетарного рубежа материально-технического развития рождается призыв к сознательной стагнации материального производства, сокращению численности народонаселения и переключению общественного прогресса на сугубо духовные показатели, якобы единственно не имеющие объективных ограничений. Проще говоря, предлагается формулу производства преобразовать из неравенства в уравнение, а материальные ценности заменить духовными. В рамках релятивистского подхода формула, наоборот, имеет вид неравенства с противоположным знаком по сравнению с вышеописанной формулой абсолютного прогресса и выглядит следующим образом:

Заграты труда	>	Созданные средства жизни	трудо-
Народонаселение, определяемое производством	>	Народонаселение, определяемое произведенными средствами жизни	
Разрушаемая природная среда	>	Восстанавливаемая природная среда	
В целом:			
Ресурсоемкость системы необходимой деятельности ТРУД	>	Ресурсоемкость комплекса возможной жизни РЕЗУЛЬТАТ	

Следовательно, совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредствованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете, растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, «преодолеть» данную техносociальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке производимых и необходимых ресурсов жизни.

В процессе материально-технического развития общества изначально авансируется труд, а потом происходит отдача. Этапы авансирования труда и получения отдачи накладываются друг на друга и взаимно компенсируются, но в целом обнаруживается цикличность материально-технического развития – периоды подъема, высокой отдачи труда и периоды спада, расширенного авансирования труда. В свою очередь, цикличность материально-технического развития обуславливает социальную цикличность, а та – культурно-духовную. Все вместе образует определенные циклы истории, выпадающие на долю отдельных поколений, провалы и гребни волн цивилизационного развития.

Общий баланс эффективности техники до недавнего времени был положительным, но в том и заключается техническое содержание так называемого экологического кризиса, что затрачиваемые ресурсы на переход к новому типу материально-технического развития все меньше компенсируются получением дополнительных ресурсов, – то есть авансируемый труд все меньше «оплачивается». Техника постоянно стремится к достижению предельного уровня производственно-природного равновесия, на котором она исчерпывает свою всеобщую функцию быть средством выживания человека. Вопрос о реальном достижении такого предела является предметом острых дискуссий в самых разных областях и получает альтернативные решения в виде технологического оптимизма и пессимизма, провозглашаемых различными технократическими концепциями, развиваемыми на общей методологической основе технологического детерминизма в рамках абсолютистской социально-теоретической модели общества.

Борьба за выживание в обществе не является войной всех против всех, ведущейся на атомарном (индивидуальном) уровне, она изначально является организованно-групповой, предполагающей социальное разделение на своих и чужих, «мы» и «они». Это разделение пронизывает общество на

всех его структурных уровнях, за принадлежность к более высоким из которых и ведется социальная борьба. Абсолютные показатели жизни людей на разных уровнях различны, но их относительная сопоставимость в принципе одна и та же. При этом общественные и политические объединения, являющиеся организационной основой общественной консолидации, объединения людей в группы, идентифицирующие себя в качестве своих, создаются активистами, самоутверждающимися в жизни таким способом.

Отношение «цель – средство» является фундаментальным социальным отношением, исторические формы отъема чужого жизненного ресурса меняются. Современность в этом плане характеризуется тем, что данное отношение реализуется за счет разницы уровней квалификации. Здесь действует не просто разделение труда в общей системе производства, а неэквивалентный обмен результатами деятельности. За малоквалифицированный труд человек меньше получает, хотя своего жизненного ресурса затрачивает больше. В отношениях между странами происходит то же, что и между индивидами. На смену завоеванию территории, колонизации, неокolonизации с ее монокультурным производством приходит информационно-технологическая колонизация, когда в отстающих странах создается такой порядок, когда они сами добывают ресурсы и отдают их в процессе неэквивалентного обмена передовым странам. Модель ресурсной подпитки лидирующих общностей: номенклатура ресурсов жизни расширяется. Не только энергоносители и минеральное сырье. Сюда входит и утечка мозгов, рабочей силы и пр. Т.е. перекачиваются вообще ресурсы жизни.

В сфере межобщностных отношений характерно стремление к тому, чтобы было произведено и потреблено больше внутри, чтобы в результате обмена с внешним миром накапливался ресурс, потребляемый внутри. В лидирующих общностях высокие цены и высокие зарплаты. Это выгодно в отношениях с сырьевыми странами, поскольку обеспечивает неэквивалент-

ный обмен. Но этот механизм не искусственно созданный, он выражает ускоренное инновационное развитие, темпы обновления нарастают, разрыв в уровнях развития увеличивается. И в межличидвудуальных отношениях то же самое: обновление предметов потребления ускоряется, бедные все больше отстают. Переход к передовому, обновление – требуется увеличение авансирования ресурсов. Население передовых общностей все больше живет в долг, и вся страна в долг. Такое положение поддерживается только дополнительной подпиткой, если ее убрать, произойдет взрыв.

Глобальный мир можно рассматривать как одну общность, объединяемую необходимостью совместной жизни разных общностей по определенным правилам, при соблюдении общих норм, по аналогии с подчинением отдельных индивидов (граждан) законам права и морали. Однако в глобальном мире предполагаются правила жизни в интересах лидеров (как и в рамках отдельной общности), а тех, кто не подчиняется, подавляют силой. В теоретическом плане надо определиться с типом общности, к которой ближе глобальный мир: семья, коммунальная квартира, селение, страна или некая другая форма общности. Разумеется, полного совпадения ни с одной из перечисленных форм общности не будет, это некий новый тип общности. Здесь важно отметить, что глобальный мир – это еще не все человечество, а всего лишь расширяющаяся сфера социального объединения, хотя и представленная наиболее развитыми зонами. Глобализация ведет к переструктурированию мира, идет процесс складывания новых геоисторических общностей.

В целом можно констатировать все большее превращение лидирующих стран в мировые управленческие конторы. Но они демографически сами замещаются выходцами из третьего мира. Опять остается главное – не хватает места лидирующим странам. Действует закон неравномерности материально-технического, а за ним и социально-экономического развития. Формы

передела мира исторически меняются, но имперская суть владения миром остается.

Нельзя не учитывать возможность еще одного сценария, при котором развивающиеся страны превратятся в развитые индустриальные страны. В настоящее время темпы их промышленного развития выше, чем у развитых стран. Но отношение постиндустриальных и индустриальных стран будет уже совершенно иное, нежели привычное отношение индустриальных и аграрных и сырьевых.

Кризис современной цивилизации, понимаемой как технологический способ жизни и как мировое сообщество, существенно отличается от прошлых кризисов, связанных с перепроизводством и переделом территорий и приводивших к войнам, в которых искали выход из кризиса. В соответствии с техносциальной формулой общества происходит абсолютный рост производства, населения и потребления. Если до недавнего времени абсолютный предел роста связывался с ростом населения (недостаток продовольствия), то теперь на первый план все больше выходит угроза предела самого производства, эффективность которого неуклонно снижается. Начало такого кризиса отчетливо проявляется в нарастающем дефиците энергоносителей.

В целом наблюдается рост предметной оснащенности человеческой жизни, усиливается материальное воздействие на окружающую природную и социальную среду, то есть усиливается предметное давление людей друг на друга. Усложняется система нормативности общественной жизни (например, в дорожном движении, в сфере массовых коммуникаций и т.п.). Углубляется противоречие между естественным правом каждого человека на то или иное действие со своей стороны и таким же правом ограничения этого действия со стороны других людей. Абстрактно это противоречие неразрешимо, но конкретно оно решается в системе социальной дифференциации, в отношении «цель – средство».

В условиях глобализации кризис материально-технического развития сопровождается кризисом социально-культурной идентификации субъектов мирового взаимодействия.

Таким образом, механизм кризиса современной цивилизации в самом общем виде можно обрисовать следующим образом:

Есть определенные циклы, не заданные и не повторяющиеся. Общество все время идет по какому-то новому пути. Новизна – это объективная необходимость цивилизации. Здесь нет никакого ценностного содержания. Новизна – не судьба, не обреченность, не приговор, это просто необходимость. Но всегда какие-то этапы устоявшегося способа существования. Если не поменять способ, когда он исчерпывается, будет кризис. Если из кризиса не выйти, будет конец. Опять же, не в том смысле, что все погибнут, а в том, что общество безостановочно покатится назад. Но это только абстрактно-гипотетически, ибо человечество всегда меняет направление и движется дальше. Именно дальше, а не вперед, поскольку такого определенно-поступательного направления просто не существует.

Будущее никогда не будет лучше или хуже настоящего, которое, в свою очередь, не хуже и не лучше прошлого. История – это никогда не прекращающееся настоящее, в котором всегда кому-то хорошо, а кому-то плохо, то есть всегда сохраняется фундаментальное социальное отношение, разделяющее людей на цель и средство. Состояние, когда всем было бы хорошо или плохо, принципиально невозможно.

По мере цивилизационного развития проблемы будут обостряться. Точнее – будет эволюционировать специфически-человеческий способ жизни: все больший отрыв от естественных оснований, увеличение степени риска, обострение всех проблем. Идеального состояния не будет никогда, потому что его не может быть в принципе. Ухудшение положения будет все более вероятным: обострение борьбы, обострение средств ведения войны,

средств уничтожения. Равно – совершенствование всех средств защиты, но общая неравномерность увеличивается. Т.е. от каждого конфликта все более разрушительные следствия.

В целом картина такая: достижения идеального состояния не будет, потому что оно невозможно. Остается состояние борьбы за выживание, насилия, динамика только в их обострении. Это как падение вниз – остановиться невозможно, в процессе падения состоит вся жизнь, но падение происходит с нарастающим ускорением.

Проблема будущего – это объективная проблема устойчивости развития. Будущее не гарантировано, устойчивость материально-технического и социального развития есть результат борьбы, в которой две составляющие: освоение природы как источника ресурсов жизни и борьба общностей за ресурсы (сейчас это борьба за характер обмена результатами деятельности, когда более выгодный обмен достигается за счет технологического соревнования и путем силового воздействия).

Бытует выражение – этот безумный мир. Нет, мир нормальный, обычный, т.е. он соответствует закону. Модели безумного или порочного мира, провозглашающие его исправление, улучшение, прогресс и пр., не имеют под собой объективных оснований и являются идеологическим средством в борьбе за выживание.

Исследование конкретной общности начинается с определения ее гео-исторической формулы, включающей значения ресурсов территории, трудового потенциала (численность и качество населения), военного потенциала, характер вхождения в систему межобщностного взаимодействия (эквивалентность обмена результатами деятельности) и т.д. Эта формула применима и для конкретного расчета и как общетеоретическая модель. Она не указывает конкретные содержательные элементы, их конкретные величины и конкретные технологии управления, тем более конкретные управленче-

ские решения. Но указывает базовые принципы социальных отношений и базовые принципы управления обществом: характер социальной дифференциации, характер власти, роль государства и пр. То есть указывает специфику социальной геометрии общности, особенности ее социального пространства.

Борьба за выживание является абсолютной, первичной. Нормативность общественной жизни имеет подчиненный характер и направлена на обеспечение выживания. Лидирующие общности, имеющие возможность получать дополнительный жизненный ресурс от других общностей, объективно, по необходимости более консолидированы, едины в организации своей внутренней жизни. Отстающие общности, отдающие свой жизненный ресурс передовым общностям, неизбежно разобщены, глубоко дифференцированы и объективно, в силу самого положения, лишены объединяющей нормативности. Объединяющую и спасительную функцию по отношению к такой общности может выполнить только правящая элита, которая, в свою очередь, может это сделать только при появлении в общности волевого организующего начала. Потребность в таком консолидирующем силовом начале отпадет лишь тогда, когда данная общность перейдет в разряд передовых и, по крайней мере, перестанет быть источником дополнительного жизненного ресурса для других общностей, а в доведенном до логического конца статусе передовой сама сможет пользоваться плодами неэквивалентного обмена результатами деятельности, то есть сама сможет получать дополнительный жизненный ресурс. Лишь в этом случае в ее внутренней жизни свобода будет ограничена нравственностью, а духовность станет объединяющей силой. В случае реализации этого положения применительно к России, наверное, нет смысла противопоставлять друг другу в качестве образцов объединяющей духовности мистическую православную святость и какую-либо сугубо рационалистическую наукоподобную идеологичность, —

лишь бы данная духовность активно выполняла свою объединяющую, мобилизующую функцию. По крайней мере, ясно то, что озабоченность мировыми проблемами, стремление указать мировому сообществу спасительный путь развития и прочие мессианские интеллектуальные потуги в условиях катастрофической неупорядоченности собственной жизни нельзя квалифицировать иначе, чем экзистенциальное извращение.

Национальные интересы реализуются в сфере межобщностного взаимодействия, и само понятие национального интереса имеет смысл только в аспекте этого взаимодействия. Идентификация общности оказывается возможной только при сопоставлении с другими общностями, идентичность обнаруживается на фоне борьбы интересов, а всеобщим интересом является выживание. Только после распада СССР по-настоящему был осознан вопрос самоидентификации России и других бывших советских республик. Россия, вероятнее всего, так и будет находиться в промежуточном положении между мировыми силовыми центрами. Достижение устойчивости, стабильности на все обозримое будущее остается лозунговой целью, поскольку ее внутреннее развитие находится в полном соответствии с мировым развитием. Общность не может быть без идеологии. Она служит обоснованием ее исключительного права на существование. Не может быть идеологии существования всех, обосновывающей всеобщее существование как таковое, одинаковое для всех по праву на него. Поэтому религия в качестве идеологии недостаточна для широких по своему составу общностей, если не признавать фундаментализм, который представляет собой разделение, форму дифференциации в рамках одной (общей) религии.

Исторически сложилось разделение на бедные ресурсами метрополии и богатые ресурсами колонии. Российская территория не была востребована в колонизационном процессе в силу неблагоприятности природных условий и отсутствия необходимых доступных ресурсов, характерных для XVIII – XIX

вв. Поэтому Россия развивалась на своей собственной базе независимо от окружающего мира. Теперь картина материально-технического развития изменилась. Россия оказалась богатой энергетическими ресурсами, доступными для современного уровня техники и технологии, но ее уже не завоевать. Более того, она может соединить современные технологии с ресурсами, чего нет в такой степени в других странах.

Энергетические проблемы в России ощущаются острее, чем в остальном мире в силу неблагоприятных природных условий (не только климат, но и малая плодородность почвы). Чтобы выжить, надо больше затратить ресурсов жизни на единицу жизни. Геоисторическая формула России в большей степени неблагоприятна. По мере цивилизационного развития эта проблема обостряется. Но можно и так рассуждать: цивилизационное развитие вывело Россию на передовые рубежи. Энергетические ресурсы, лес, пресная вода, наконец, просто резерв свободной территории, перекрывают издержки холода и бедности почвы. У России есть преимущества. Однако, если не будет инновационного развития, то при количественном росте, при расширении предметного разнообразия жизни (предметной номенклатуры существования) все большая доля усилий будет затрачиваться на простое поддержание жизни.

Для освоения территории (ресурсов) не хватает квалифицированного населения. Но для наращивания населения (рождаемость, переселение) и обеспечения его качества требуются дополнительные ресурсы, а для содержания на должном уровне необходим постоянно высокий уровень обеспечения. Такого объема ресурсов сейчас нет, и где их взять – неизвестно. Вообще здесь наблюдается элементарное объективное противоречие между большим количеством природных ресурсов (позитивный фактор) и большим количеством ресурсов на содержание производительных сил, осуществление производственных процессов. Главный отрицательный момент со-

временного управления в России – отсутствие масштабности, адекватной территории и массе ресурсов, в первую очередь, стратегических.

Диверсификация экономики означает функциональное дробление ее отраслей, т.е. их переключение с монотоварного на политоварное, многопрофильное производство, переход к выпуску различных видов продукции, производимой на одинаково высоком технологическом уровне. Применительно к России речь идет, в первую очередь, о диверсификации военно-технического комплекса, развитию на его основе производств, ориентированных на другие виды потребления. Однако конверсия ВПК является лишь составной частью диверсификации российской экономики. В более широком плане диверсификация предполагает полипрофилизацию всех отраслей производства, когда экономика страны складывалась бы не из узкоспециализированных гигантов – монополистов, производящих либо самолеты, либо корабли, турбины, металлопрокат, электротехнику и т.д., а представляла бы собой комплекс многопрофильных производств, конкурирующих друг с другом и потому заинтересованных в выпуске высококачественной продукции. Здесь уместна аналогия с качеством металлического сплава, который тем более прочен, чем мельче его кристаллическая структура. Разумеется, диверсификация экономики не означает дробления производств, но общая масса малых предприятий необходимо оказывается значительной. Все это требует роста инвестиций, обязательно сопровождающихся внедрением новых технологий, без чего инвестиции не будут эффективными. В целом диверсификация экономики является главным условием инновационного развития, которому нет альтернативы в настоящее время.

Однако при такой постановке вопроса нельзя забывать еще о двух очень капиталоемких сферах общественного производства – создании устойчивой инфраструктуры, отсутствие которой всегда было тормозом российской жизни, и обеспечении достаточного количества населения при его

высоком качестве. Как известно, человеческий капитал, человеческие ресурсы России сейчас предельно истощены и требуют для своего восстановления огромных вложений.

Последние сто лет российской жизни ознаменовались призывом к всеобщему благополучию, борьбой высокий уровень потребления по исторически сложившимся показателям. Чем шире сфера потребления, тем больший объем богатства требуется, тем труднее для России его обеспечить. Гонка в потреблении (как и в вооружении) все время отбрасывает Россию назад и все время обостряет внутреннюю борьбу за потребление. Навязывание образа жизни, ориентирующего на массовое потребление, разрушает Россию. Здесь нет никакого злого умысла ни с чьей стороны, это объективный процесс. Но одновременно и форма соревнования, борьбы тоже.

Дискуссия о среднем классе, критериях отнесенности к нему. Фундаментальным критерием является способность (возможность) к выживанию на долгосрочной основе, а не в период перенапряжения сил, которые в любой момент можно утратить. Средний класс – возможность выживания, но собственным трудом в буквальном смысле. Высший класс в магазины не ходит и в очередях не стоит. Вот в чем разница по качеству. Да, такой класс является основой развитого общества, но его консолидирующим фактором является положение общности во внешнем социальном взаимодействии, неэквивалентный обмен за счет более квалифицированного труда, передовых технологий.

Модель постиндустриального общества, сформировавшаяся на примерах жизни лидирующих стран, на почве российской действительности означает следующее: никто не хочет работать в сфере материального производства, все хотят управлять, заниматься бизнесом, играть в футбол, теннис, петь, танцевать, драться на ринге и т.д. Конечно, зрелищные профессии труднее производственных, они требуют больше таланта и труда, однако

все наиболее талантливое концентрируется в лидирующих странах – и наука, и искусство, и спорт, – туда приток талантов извне, из аутсайдеров, в сопровождении со строителями, уборщиками, официантами и другими представителями сферы обслуживания. А материальное производство выносятся вовне – сборка автомобилей, прокат металлов и пр. На территории аутсайдеров складывается индустриальное общество, но на базе привозных готовых технологий.

Последнее время в обороте находится понятие “энергетическая война”. Оно указывает новые исторические формы борьбы за выживание на основе агрессии, которая остается основной формой насилия, направленного не только на энергетику, но вообще ресурсы. Новые формы завоевания ресурсов территорий через установление контроля, а не путем присоединения территории. В этом плане характерно увязывание военно-политической организации НАТО и энергетической безопасности мира в связи с положением России. Россия становится помехой на пути освоения новых территорий в новых условиях. Вполне вероятен ультиматум – либо она допускает к управлению ресурсами, либо их отбирают у нее. Но для этого ее надо обложить со всех сторон. Может ли Россия этому противостоять и надо ли ей это противостояние? Едина ли сама Россия в этом противостоянии? Во-первых, возможно просто этническое расчленение как способ устранения. Во-вторых, социальное расслоение (размежевание) на сторонников и противников самостоятельности и целостности России. А средства все те же – демократия и права человека.

Иногда говорят – Запад нас не будет оккупировать. Но ему этого и не надо. Подчинять и управлять теперь можно и без оккупации. Но если понадобится, то и оккупируют.

Является ли Россия угрозой Западу? Является. Если Россия станет передовой, то она неизбежно кого-то потеснит. Призыв к России стать частью

Запада. Но если это случится, то от Запада должно что-то отпасть. Мы не хотим стать частью Запада не потому, что культура другая, а потому что не можем стать его равноправной частью.

Давно сказано, что западный тип жизни – не единственный путь развития. А какой еще? Как это возможно в контексте глобализации? России объективно надо интегрироваться в мировое социальное пространство. Но тогда бескомпромиссная борьба за свои интересы. Желательно обойтись без войны. Но от нас не все зависит, нам ее могут и навязать. Одна из угроз – мировой терроризм, представляющий собой идеологию, как и все остальные течения и направления общественной жизни (как совокупность идей и как социальная структура). В том и другом смысле он пришел на смену фашизму с его идеей мирового господства избранных и коммунизму с его идеей мировой революции обездоленных. В таком ключе можно представить всю мировую историю. Пока что идеология и средства террора имеют тенденцию к расширению.

Итак, старая социальная система в России себя исчерпала. Перемены были неизбежны. Гладко и управляемо они пройти не могли, не было на это времени и внешний мир давил. Субъективно, с точки зрения людей, сограждан, было много непомерно тяжелого. Но переболеть в любом случае надо было. Задача в том, чтобы сейчас трезво это оценить, как был призыв к трезвой оценке социализма. Но все время чьи-то интересы идут вразрез. Только сильное государство может все расставить по своим местам. То есть и назад все не вернешь, да и некому, но и оставить все так, как получилось, тоже нельзя.

Но главное, что в обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов. Так что рассчитывать на что-то объективное высшее не приходится.

Из утопической модели был неизбежен выход (переход) к естественной модели социальной жизни. Собственное внутреннее реформирование было невозможно, потому что надо было менять качество социального устройства.

Приватизация, как реформа, обернулась всеобщим растаскиванием материального богатства. Возможно, это тоже было неизбежно, поскольку государство на какой-то момент сбросило с себя даже элементарную функцию ночного сторожа. Приватизация породила различие между людьми не на основе обмена результатами деятельности, определяемых способностями, а в ходе простого разделения собственности, в котором люди тоже различались по способностям, но особого рода, не созидательным. Как известно, умение организовать необходимо и в сфере преступности, здесь тоже имеются свои таланты. Следовательно, понимание приватизации, как растаскивания собственности, не является ни оригинальным, ни преувеличенным. Иначе и быть не могло при таком резком переходе от одной системы отношений к другой. Для России крайний либерализм разрушителен.

Дальнейшее зависит от политической воли элиты. Какая бы власть ни была, она должна будет заниматься проблемой выживания общности. Здесь два главных условия: 1. Устранение пропасти между богатством и бедностью; 2. Формирование цели и соответствующей идеологии, которая должна быть, с одной стороны, привлекательна для основной массы населения, а с другой стороны, она должна быть оправданием организующего насилия государства, осуществляемого от ее имени.

Итоги российских преобразований ясны, но по-разному могут интерпретироваться, оцениваться. Однако до тех пор, пока не будет достигнуто единство (общее или победное, навязанное), не будет и общей оценки. Разница оценок – выражение борьбы интересов, многовластие. Власть у государства, никто государства не отменял, но нет государства как достаточной

самостоятельной силы, к нему остается отношение как к орудию, захватываемому теми или иными социальными группами.

Предлагается много схем развития России. Но до тех пор, пока не будет сформулирована идея достижения Россией лидирующего положения в мире, а на этой основе – внутреннего благополучия и стабильности, никакие схемы работать не будут. Либо пока не будет достигнуто абсолютное господство определенной силы, подавляющей всех остальных. Иначе говоря, либо демократия передовой общности, либо диктатура отсталой, но самостоятельной (в этом тоже интересы всей общности). А диктатура и несамостоятельность – это вариант банановой республики. Но Россия слишком велика для такого сценария. Стало быть, вопрос стоит о самом существовании России. А острота вопроса обусловлена уже той аномальной неопределенностью, которая связана с неопределенностью ситуации с выборами 2008 года?

В понимании отношений России с окружающим миром надо исходить из следующего:

Россию невозможно уничтожить и ее никто не собирается уничтожать. Здесь объективное противоречие – Россия мешает, и без России не обойтись. В этом выражается вообще противоречие социального бытия – социальное бытие как борьба за выживание и социальное бытие только как совместное существование. Синтез в борьбе за роль в системе отношений “цель - средство”. Следовательно, задача не в том, чтобы спасти Россию от уничтожения, а в том, чтобы не допустить ее превращения в средство.

О жизни зрелого человека говорят, что она еще не закончилась, но уже состоялась. Ничего нового ожидать уже не приходится. До сих пор жизнь поддерживалась только надеждой на нереализованные стремления (возможности). А в начале жизни было именно стремление к чему-то новому, желанному, но неизвестному, неизведанному.

Все это относится и к человечеству. Его существование состоялось, ничего нового уже не будет. Модели будущего, утопии остались позади, сейчас их никто не строит и не выдвигает. В лучшем случае осталось только стремление к решению текущих проблем. Но их не решить раз и навсегда, человечество обречено на их перманентную неразрешимость. Такой вот человечеству приговор. Время экспериментальных социальных моделей закончилось. Остались только проблемы и всеобщая борьба.

Но есть еще один образ – это образ страны. Образ новой страны не только не сформировался, он, строго говоря, и не начал формироваться, не может приобрести целевую заданность. Более определенно обстоит дело с образом прошлой страны, который в рациональном сознании все более тускнеет. В аспекте общественной самоидентификации простых людей образ прошлого вызывает одновременно и сожаление, и облегчение: сожаление об утрате принадлежности к великой стране, которая, как казалось, гарантирует абсолютную справедливость и никогда никого не оставит без помощи; облегчение от осознания беспроектности серости и непреходящей обыденности существования рядового человека. Но все более явственно приходит понимание исчерпания возможностей социалистического способа жизни, иллюзорности надежд на идеальное будущее, обреченности казавшегося несокрушимым коммунистического социума на слом. В свете этого положения особенно болезненно переживается отсутствие позитивного, конструктивного образа современной, а тем более будущей России, когда складывается и укрепляется ощущение подмены тусклой, подсвеченной одноцветными лозунгами реальной жизни, на жизнь, ярко высвеченную рекламным разноцветьем, но суррогатную.

Реформы, которые затягиваются, переходят в контрреформы.

В плоскости инженерного осмысления грядущей судьбы России главный тезис состоит в том, что все разговоры о великой, богатой, свободной и

т.д. стране обретут смысл лишь при осуществлении штурма, силового на- тиска, прорыва, отвоевывания своего места в мировом жизненном про- странстве. В эти понятия вкладывается не военное, а научно-техническое содержание.

Говоря о современных философских представлениях общества, следует иметь в виду, что они сложились не сейчас, а имеют давнюю историю. Кро- ме того, они чрезвычайно разнородны. В России популярен тезис об отказе от исторического материализма К. Маркса, однако говорить о его теорети- ческом преодолении не приходится. Пока что дело ограничивается сменой имен – на переднем плане теперь Н.А. Бердяев, М. Вебер, К. Поппер, П. Со- рокин, А. Тойнби, С.Л. Франк, О. Шпенглер, К. Ясперс и многие другие. В содержательном плане историческому материализму противопоставлен ис- торический идеализм, стержневым понятием которого является духовность, интерпретируемая в расплывчатом субъективно – объективно - идеалисти- ческом контексте.

Литература:

1. Ахиезер А.С., Яковенко И.Т. Что же такое общество? // Общественные науки и современность. 1997. № 3.
2. Горюнов В.П. Философия общества. СПб., 2005.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
4. Зиммель Г. Как возможно общество? // Избранное. М., 1996.
5. Козлова О.Н. Общество как социокультурная система в динамике и статике // Социально-гуманитарные знания. 2003, №3.
6. Краснов В.Н. Модели человеческого поведения и основы социаль- ного антагонизма // Общественные науки и современность. 2003, №3.

7. Момджян К. Х. Введение в социальную философию: Учеб. посо- бие. М., 1997.
8. Поляков А.Н. К проблеме общественных формаций // Вопросы фи- лософии. 2003, №6.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.

8. www.unesco.org
9. www.cepes.ro
10. www.ibe.unesco.org
11. www.ecju.org
12. www.unige.ch/eua/
13. www.engc.org.uk/ingenium/2/washington.html

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Гуманитарный факультет – центр формирования гуманитарной развивающей среды СПбГПУ	5
Современные философские представления об обществе	21
История в контексте социальных наук	52
Специфика социологии и ее роль в социогуманитарном знании и образовании	71
Институциональный подход в экономике и обществознании	84
Социальные настроения студенческой молодежи и их ориентация в образовательном процессе	100
Феноменология культуры	116
Алгоритмизация как способ оптимизации деятельности студентов при изучении курса «Русский язык и культура речи»	144
Реализация компетентностного подхода – основа модернизации современной российской высшей школы	156